

ВЫБРАКОВКА

Глава первая

Хроники повествуют, что во времена его правления можно было бросить на улице золотую монету и подобрать ее через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения — горожан и земледельцев! Как же произошла такая метаморфоза? Очень просто — в результате планомерного очищения общества от «асоциальных элементов».

Участковый Мурашкин лениво брел по вверенной ему территории. Задворки Второй Фрунзенской всегда считались довольно спокойным местом, а теперь здесь можно было вообще помереть с тоски. Особенно если твоя профессия — защита правопорядка. Мурашкин учтиво раскланивался с бабушками на лавочках, улыбался детишкам, весело махавшим ему из недр кукольно-ярких игровых городков. В какой-то момент участковому повезло: знакомый мужик ковырялся в двигателе «Москвича», но поломка была пустяковая, и вволю почесать языком не вышло.

Заросший грязью пистолет, молчаливая рация, планшет со слежавшимися бланками протоколов — казались лишними и раздражали. Мир вокруг был стерилен, чист и на вид совершенно безопасен: выскобленный асфальт, ровно подстриженные газоны, спокойные лица прохожих. Мурашкин заглянул в пару магазинов, поболтал с продавцами, сонными от дневного безлюдья,

и окончательно сник. Уселся на лавочку в сквере, закурил и в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться.

Другой бы на его месте радовался, но участковый Мурашкин был, на свою беду, человек долга. Он с детства уяснил, что добро обязано иметь кулаки, и если ты за все хорошее и против всего плохого — нужно что-то делать. Особых талантов за Мурашкиным не числилось, и он реализовал тягу к переустройству мира естественным образом: после армии пошел в милицию. И только-только ощутил себя на своем месте, как в стране грянули перемены. В первые дни казалось, что новая власть своим знаменитым «Указом сто два» выплеснула на улицы волну насилия. Но волна довольно быстро схлынула и уволокла с собой почти весь тот контингент, что мешал нормально жить добрым гражданам и участковому Мурашкину в их числе.

Надо отдать должное выбраковщикам: они причесали город очень частым гребнем.

Из тех, кого забраковали, не вернулся никто. АСБ недаром обзывало свои машины «труповозками». Неважно, забрали тебя из грязной коммуналки (а ведь не стало их, коммуналок-то, всего за год!) или из роскошного пентхауса тут, на набережной, — урод пропал, освобождая место для нормального, честного, достойного человека.

И хотя противно было сознавать, что по всей стране орудет сила, которую не сдерживает закон, стальными тисками сковавший тебя самого, — Мурашкин на выбраковщиков не злился. Он понимал: временная мера. В «Указе сто два» так и писали, черным по белому. Еще пара лет, от силы года три... Поэтому Мурашкину никогда не приходило в голову попроситься в АСБ. По своему нынешнему безделью он отлично понимал, что значит оказаться выброшенным из жизни. А ведь это ждет каждого из тех, кто сейчас вместо него, Мурашкина, подставляется под бандитские пули. Хотя какие теперь бандиты... Поубивали всех давным-давно. А кого не убили, загнали пожизненно на каторгу. Почестному. Мол, вы, ребята, погуляли за наш счет, теперь потрудитесь на наше благо.

ВЫБРАКОВКА

И все-таки интересно, чем займутся парни из АСБ, когда правосудие вернется на привычные рельсы и милиция из профилacticеской службы опять станет тем, чем ей положено быть. Станный народ там, в Агентстве. Своеобразный, если не сказать больше. «Некоторые, кстати, и говорят, не стеснясь», — подумал Мурашкин. И сразу вспомнил, как на прошлой неделе в отделение зашел выбраковщик. Чего-то ему нужно было от начальника. Мурашкин, без дела ошиваясь во дворе в ожидании, когда ребята сменятся и можно будет пойти вдарить по пиву, сразу его вычислил. Невысокий, даже щуплый, лет сорока, с заметной сединой в черных волосах... Скромный такой. И с ласковыми глазами убийцы. И один лейтенант, видимо знавший выбраковщика в лицо, крикнул: «Какие люди, и без наручников! Смотрите, кто пришел! Да это же Пэ Гусев, вождь па-лачей!»

У Мурашкина тогда все съезжилось внутри. А тот Гусев просто кивнул лейтенанту, мило улыбнувшись, будто такими репликами выбраковку и положено встречать. Показал дежурному свой значок и прошел к начальнику.

Да, худо придется выбраковщикам, когда их услуги окажутся не нужны. А ведь милиция по большому счету в ножки им должна поклониться. Мурашкин отлично помнил времена, когда от него, человека в серой форме, люди шарахались как от чумного. «Менты и бандиты — родственные профессии», — говорили тогда. Теперь полюбили. Малышня так на руки и лезет, взрослые не воротят морду, а первыми здороваются...

Мурашкин курил и думал: какого черта он тут делает. Можно пойти в опорный пункт и вволю поиграть на компьютере. Можно отправиться домой и приготовить что-нибудь эдакое на обед, жену порадовать. По телевизору смотреть днем нечего: гонят советские фильмы и пропагандистские шоу на тему, как хорошо жить в Славянском Союзе. Жить стало действительно неплохо, а все равно тоска... Участковый сунул нос за пазуху в надежде, что случайно отключил рацию. Но тусклая красная лампочка горела, и динамик еле слышно шуршал.

А то нанести один-другой профилактический визит? Проверить, например, не запила ли вновь эта дура Татьяна. Или в сотый раз попытаться объяснить старому маразматику Дундукову — вот же фамилия! — чтобы перестал на нее строчить анонимки. Все равно бумажки с подписью «Борец за нравственность» к рассмотрению не принимаются...

От соседней школы донесся оглушительный вопль, будто там резали детей очень тупым ножом. Мурашкин и ухом не повел: это просто началась большая перемена. Но мысли его двинулись по вполне определенному пути. Точно, зайти к Татьяне. Она когда запивает, у нее ошиваются разные типы. Ведут себя обычно тихо, ничего криминального, но два неуравновешенных человека в одном помещении — уже повод к «бытовухе». Не напугали бы дочь.

Бездетный Мурашкин тяжело переживал, когда у симпатичных детишек оказывались непутевые родители. Дай ему волю, он прелестную белокурую шестилетнюю Машеньку отнял бы у Татьяны силой и удочерил. Все равно мать сопьется вконец, и либо на принудительное лечение угодит, либо вообще в лагерь. Только успеет до этого ребенка испортить. Жаль.

Да, к Татьяне. Прямо сейчас. Мурашкин бросил окуроч в урну, поднялся и быстрым шагом двинулся вглубь квартала.

Уже поднимаясь на этаж, участковый почувствовал смутное беспокойство. А когда протянул руку к кнопке звонка, услышал неясный звук, доносящийся из квартиры. То ли стон, то ли плач. За обшарпанной дверью творилось нехорошее. Мурашкин позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Внутри завозились и притихли.

— Откройте, участковый! — крикнул Мурашкин.

И опять услышал тот же звук. Точно, это плакал ребенок.

Никаких сомнений: там, внутри, стряслась беда. Участковый отошел к противоположной стене, оттолкнулся и наподдал дверь плечом. Полетел вперед с дверью в обнимку, врезался во что-то мягкое, упал, вскочил.

Хозяйка валялась в коридоре, участковый на пару с дверью хорошо ее ушибли. Мурашкин чуть было не принял женщину

ВЫБРАКОВКА

за мертвую. Но Татьяна вдруг открыла глаза, тупо поглядела на участкового и буркнула:

— И ты тоже пошел на хер...

После чего с отчетливым стуком уронила голову на пол и, кажется, заснула.

Мурашкин толкнул дверь в комнату и остолбенел. Перед ним стоял незнакомый пропитой мужик и поспешно заправлял рубашку в штаны. А забившаяся в угол Машенька, заливаясь слезами, размазывала по чумазой мордашке белое и липкое.

Дальше участковый действовал четко и стремительно.

И так хладнокровно, как до этого никогда в жизни.

* * *

Телефонный звонок разбудил Гусева в полдень. Гусев, не открывая глаз, свесился с кровати и принялся шарить по полу. Телефон не нащупывался, а свисать было неудобно: какой-то валик твердо врезался в живот. Потом рука зацепила нечто стеклянное, которое тут же упало и покатилося. Гусев заподозрил недоброе, разлепил один глаз и обнаружил, что лежит поперек своего любимого кресла в гостиной, а на полу валяются в живописном беспорядке пивные бутылки.

Кряхтя и постанывая, Гусев сполз на пол и начал тыкаться носом в «пузыри», втайне надеясь, что хоть один да оставил вчера без внимания. Чутьочку жидкости прочистить мозги. А заодно вернуть себе дар речи, поскольку телефон, судя по назойливому курлыканию, вознамерился допечь хозяина и призвать к ответу.

Бутылки оказались пусты. Гусев не без труда встал на ноги и поплелся на кухню. Походя он снял с базы радиотрубку и прижал ее к груди, пытаясь хоть так приглушить сигнал.

Трубка задушенно хрюкала с методичностью, достойной лучшего применения. То ли ошибся номером какой-нибудь факс-модем, то ли звонил человек, знающий гусевский распорядок дня и железно уверенный, что абонент дома. Хорошо бы первое, но в чудаеса Гусев принципиально не верил. Скорее всего, настойчи-

вые звонки предвещали очередную свеженькую, с пылу с жару, неприятность.

Телефон умолк на пороге кухни, да так неожиданно, что Гусев даже остановился. С глубоким сомнением поглядел на трубку. А потом, будто очнувшись, сунул ее не глядя в пространство (оказалось — в забитую грязной посудой раковину) и прыгнул к холодильнику.

На полочке лежала заначка — две бутылки «Балтики» номер три. Гусев огляделся в поисках открывалки, сообразил, что та после вчерашнего наверняка в гостинной, и, недолго думая, уцепился пробкой за край батареи. Несильно врезал сверху раскрытой ладонью — пробка с тихим звяканьем укатилась под ноги, — и жадно припал к горлышку.

Через несколько секунд бутылка опустела наполовину, а в глазах человека появилось более-менее осмысленное выражение. Гусев тяжело выдохнул, уселся за кухонный столик и мысленно обложил последними словами гадину, разбудившую его раньше времени. Ни особого похмелья, ни физической разбитости Гусев не ощущал. Он просто все еще был здорово пьян. Оставалось только допить пиво, раздеться и лечь в кровать. Хотя бы часика на три-четыре. Инструктаж перед вечерней сменой в пятнадцать тридцать. Хотя какая это смена — так, зайти отметить... Нет больше тройки Гусева. И когда ему теперь дадут хотя бы одного стажера, черт знает. А в одиночку выбраковщика никто на работу не пустит. Мало ли чего ему в голову взбредет.

Инструкция четко объясняла, почему нужно ходить втроем. И как себя вести в тех исключительных случаях, когда можно вдвоем. Но, на взгляд Гусева, все эти хитрые расстановки уступом, просчитанные для каждой тройки специально, исходя из характеристик оружия и личной психологической устойчивости бойцов, расписывались, только чтобы запудрить выбраковщикам мозги. Он-то отлично знал, почему на самом деле сотрудникам АСБ положено бродить стаей. Дай Гусеву волю, он бы своих коллег не то что на работу, а просто в магазин за хлебом поодиночке не выпускал.

И себя, ненаглядного, в первую очередь.

ВЫБРАКОВКА

Одиноким выбраковщик, тревожно-мнительный, неуверенный в себе, волочащий по асфальту длинный хвост многочисленных комплексов, представляет для добрых граждан куда большую опасность, чем целая преступная группировка. А поскольку банды, шайки и мафиозные кланы на территории Союза успешно выбраковщиками изничтожены...

Именно на этой фразе вчера Гусева перебили. Начальник Центрального отделения ласково попросил его засохнуть. Гусев засох и сел на место, лояв затылком неприязненные взгляды. Как обычно, его не поняли. Его вообще никогда не понимали. Никто. Всю жизнь.

Хотя, быть может, на этот раз намек получился слишком тонким. Но как еще передать товарищам свою тревогу за их безопасность? Как объяснить, что буквально всем телом Гусев предчувствует беду? А ведь он в АСБ шесть лет, почти с самого начала, и кому еще взвалить на себя тяжкую долю местного оракула? Когда остальные догадаются, что происходит, будет поздно. Один-единственный приказ сверху — и застоявшиеся ОМОНЫ и СОБРы передают выбраковщиков как котят. С диким наслаждением передают. Таких, как Гусев, прожженных ветеранов, отловят по одному и тут же застрелят при попытке к бегству. А прочую мелюзгу вообще пачками лопать будут, и не подавятся.

«Нас в Москве осталось чуть больше тысячи. И от силы десять тысяч по стране. Говорят, теперь больше не нужно, ведь всех годов вы уже поубивали... Мы — остатки прежней роскоши. Мы — жалкие крохи, нас просто смахнут рукавом со стола. А потом накроют стол по новой».

Стараясь не думать о грустном, Гусев прикончил бутылку и задумчиво оглянулся на холодильник. Точно, допить и баиньки. Если, конечно, эта гадина...

Гадина оказалась легка на помине. Среди чашек и тарелок обильно тренькнуло.

Гусев встал, двумя пальцами ухватил трубку за огрызок антенны и выудил из раковины. Взял полотенце и тщательно протер. Нажал кнопку и хмуро сказал в микрофон:

— Зачем вы меня разбудили?

На другом конце линии раздался страдальческий вздох.

— Паша, как хорошо, что ты на месте! Выручай, старина! Кроме тебя...

— А-а, товарищ подполковник... Ну-ну.

Слышно было, как подполковник Ларионов, начальник близлежащего отделения милиции, угрызается совестью. Выражалось это в сопении и покашливании.

— Паша...

— Вот что-то вспомнить не могу, кто это меня на днях вождем палачей обозвал? — задумался вслух Гусев.

— Да ну! — делано изумился Ларионов.

— Ты же знаешь, товарищ подполковник, я терпеть не могу, когда мне прямо так в глаза правду-матку режут.

— Паша, ну хватит, в самом деле!

— Мне правда глаза колет, понимаешь?

— Хорошо, я им скажу.

— И скажи.

— И скажу! Так скажу, присесть не смогут!

— Вот сейчас пойд и скажи. Этому, как его... Ну, летёха такой мордастый. С усами.

— Паша, можно я с тобой закончу, а потом сразу пойду и скажу ему?

Гусев усмехнулся в трубку.

— Он меня боится, — сообщил Гусев заговорщическим шепотом. — Они все меня боятся. Слушай, подполковник, а ты меня боишься?

— Извини, не очень.

— Как же так?

— А я смелый. Отважный я. Слушай, Паш, тут у нас большая неприятность. Выручи еще разок? Пожалуйста.

— Опять твои психопаты задержанного прибили?

— Если бы задержанного, я бы тебе не звонил.

— А кого тогда?...

— Понимаешь... Мурашкин с пятого участка, прекрасный мужик, взял и застрелил одного урода. В состоянии аффекта застрелил.

ВЫБРАКОВКА

— Ничего не понимаю, — удивился Гусев. — Ваша братия каждый божий день кого-нибудь застреливает в состоянии аффекта. И рисует в отчете самооборону. Напивается до состояния аффекта, а тут навстречу топает мирный гражданин в состоянии аффекта — и пошла-поехала самооборона... Странно, что вы друг друга еще не поубивали. Даром что пребываете в состоянии аффекта с утра до ночи...

Он мог бы еще долго распространяться на этот счет, но Ларионов его перебил.

— Паша, — сказал он. — Я тебя слушаю и балдею. Всю жизнь бы слушал. Позови какого-нибудь юношу из «Московского комсомольца», он с тобой потом гонораром поделится. Но мне действительно нужна твоя помощь.

— То есть твой прекрасный мужик, участковый Какашкин, не умеет писать и не может поэтому нарисовать в отчете самооборону.

— Да он в больнице! — рявкнул Ларионов.

— Почему? В какой?

— В Алексеевской, идиот!

Гусев задумался.

— Ничего себе... — пробормотал он. — Психушка, значит... Ладно, начальник, считай, я тебя простил. Докладывай обстановку.

— Докладываю, — согласился Ларионов. — Имеем два трупа...

— Ты же говорил...

— Нет, он еще и бабу одну грохнул.

— А-а, на почве ревности!

— Гусев, помолчи. Я же тебе докладываю. Имеется выбитая дверь, за ней два трупа, мужской и женский. Значит, женщина — хозяйка квартиры, мужчина — ее сожитель. Еще имеется девочка пяти лет, дочь хозяйки, живая, у нее глубокий шок, судя по всему, было изнасилование.

— Хорошо погулял участковый Какашкин! — ляпнул Гусев.

— Павел!!!

— Извини, старина, это я от неожиданности. Вот же дрянь какая...

Гусев пожалел, что вовремя не прикусил язык. Конечно, он догадался, что к чему. Случай был в каком-то смысле типовой.

Наверное, каждый выбраковщик прошел через это: на твоих глазах некто отвратительный совершает нечто ужасное. И тут тебе впервые в жизни по-настоящему «сносит башню». Вот почему уполномоченным АСБ не положено огнестрельное оружие. Только уродливый пневматический «игольник», автоматический пистолет, стреляющий иголками с парализатором мгновенного действия. Кстати, побочный эффект этой мгновенности — адская боль. Малость химики перемудрили. Наверное, у них тоже были личные счета с врагами народа.

— Факт, что насильник — сожитель хозяйки, не вызывает сомнений, — объяснил Ларионов. — Мурашкина подобрали в невменяемом состоянии, и он еще долго ничего не расскажет. Да и нечего тут рассказывать, все ясно. Зашел для профилактики, что-то услышал, позвонил, не открыли, вышиб дверь... И так далее. Нервы сдали у мужика. Клянусь, я его хорошо понимаю. Ничего, подлечится — еще послужит...

Гусев хмыкнул, но от комментариев воздержался. Понятно было, что Ларионов своего подчиненного не сдаст. Тем более участковый скорее попал в беду, чем совершил преступление. Но снова давать ему оружие и власть... «Гусев, октись, ты и сам ничуть не лучше».

— Короче говоря, был звонок насчет стрельбы, — продолжал Ларионов. — От соседей на центральный пулыг. Выехала группа, то есть все уже оформлено. Но, слава богу, у ребят хватило ума на месте разобраться, что случилось, и приостановить дальнейший процесс. Гусев, дружище, возьми все на себя, а? Ты представь, какой офигительный «глухарь» из этого дела получится! Его в принципе спихнуть не на кого!

— Кроме меня, — заметил Гусев. — Разумеется, ни один ворюга не возьмет на душу изнасилование ребенка и двойную мокруху. Да у тебя небось и нет сейчас живого вора. Ты уж, наверное, забыл, как они выглядят. А вот добренький Гусев на что угодно подпишется.

— При чем тут изнасилование, оно, считай, раскрыто. А вот мокруха... Паша, это ведь твой контингент! Запрос я тебе задним числом оформлю. И свидетелей, как положено.

ВЫБРАКОВКА

— Знаешь, подполковник, — сказал Гусев негромко. — Я, конечно, о нас с тобой невысокого мнения, но вот в такие моменты удивляюсь — и чего это у нас еще крылышки не выросли? У тебя там, случаем, нимб не проявился? Гос-по-ди! Среди каких уродов мы живем! Это же просто уму непостижимо!

— Берешь?.. — спросил Ларионов с плохо скрываемой надеждой в голосе.

— Кроме твоих людей никто этого Какашкина не видел? — деловито осведомился Гусев.

— Мурашкина! Да нет, он как отстрелялся, так на месте и завис. Метался, бормотал что-то. Группа подъехала буквально через пять минут. Вывели его тихонечко... Если кто во дворе и был, так сам знаешь, менты, они вроде китайцев, на одно лицо. А в больницу я его по благу сунул, там все будет шито-крыто.

— К тестю, что ли? — вспомнил Гусев.

— Ну.

— Ладно, — вздохнул Гусев. — Через полчаса зайду. Готовь мне запрос и сопровождающих. Если дашь того усатого лейтенанта, буду отдельно признателен. И бутылка с тебя.

— Да хоть ящик! — радостно взвыл Ларионов.

— Значит, все-таки берешь взятки! — обрадовался Гусев.

— Почему?!

— Откуда у тебя деньги на ящик, ты, подполковник!

— Нам в прошлом месяце опять зарплату повысили. А потом, я для хорошего человека, — твердо сказал Ларионов, — последнюю рубаху сниму!

— Это я-то хороший? — удивился Гусев.

— Конечно, — подтвердил Ларионов. — А если приедешь через двадцать минут, я тебе еще и не такое скажу.

— Обойдусь. Через полчаса встречай.

— Ну, Пашка, ну, выручил! Спасибо!

— Пока еще не за что, — отрезал Гусев и дал отбой.

Минуту-другую он стоял посреди кухни, задумчиво перебрасывая трубку из руки в руку и прикидывая, как навязанную Ларионовым фиктивную выбраковку провести через отчетность

Центрального отделения АСБ. Ведь если подходить к вопросу формально, то старший уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев существовал нынче только де-юре. Де-факто ему положено было регулярно являться на инструктаж, а потом вместо работы плестись на все четыре стороны. Ведущий, потерявший за месяц двоих из тройки. Потерявший заодно последние остатки доверия в отделении. Со всех сторон только неприязнь и страх. Впрочем, ему не привыкать. Всегда его по жизни сопровождали эти два чувства. Он боялся, его боялись. Он ненавидел, его ненавидели. И обе стороны, как правило, эти чувства умело скрывали. Гусев себя контролировал, потому что знал: может убить. Все остальные — потому что знали: и правда может.

Только внутри тройки, ушедшей в небытие, Гусев становился нормальным человеком. Ему повезло с помощниками. Атмосферу, сложившуюся в команде, трудно было назвать взаимопониманием. Но вот доверие, готовность прикрыть спину, а то и заслонить товарища грудью, все трое ощущали друг в друге постоянно. Выдвигаясь «на маршрут» в город, тройка Гусева превращалась в единый организм.

Эта команда была неистребима. И прожила бы очень долго, не случись двоим из троих попасть под выбраковку самим.

Глава вторая

В этом — разгадка неслышанной и не имеющей аналогов в мировой истории повальной честности населения Валахии в середине XV века. После того как тысячи воров погибли на кольях или сгорели в пламени костров на городских площадях, новых охотников проверить свою удачливость уже не находилось.

Сентябрь выдался сухим, но прохладным. Лучшая погода для выбраковщика, который по долгу службы предпочитает одежду из плотной ткани и свободного покроя, скорее даже мешковатую, чтобы не так выширала наружу его профессия. Летом Гусева ужас-

ВЫБРАКОВКА

но раздражала необходимость мазаться специальными кремами и надевать гигроскопическое белье. Иначе он бы просто умер, закованный в спасительную, но абсолютно глухую броню. А сейчас он чувствовал себя замечательно. Легкая, но прочная кожанка с полами до середины бедра удачно маскировала полпуда железа и пластмассы, которые таскал на себе выбраковщик.

Тем не менее у станции метро Гусева вычислили. Он задержался купить сигарет, и тут же рядом притормозил «Соболь» с эмблемой Службы Доставки на двери.

— Помощь не требуется, коллега? — спросил парень в белом халате, высовываясь из окна.

Гусев бросил через плечо сумрачный взгляд, промолчал и снова повернулся к окошку табачного киоска. Протянул было деньги, но тут задняя дверь киоска открылась, и внутрь шагнул некто, судя по выражению лица — хозяин. Гусев присмотрелся, вздохнул, пробормотал: «Извините, у нерусских не покупаем...» и тяжело потопал к соседней палатке. Несмотря на вполне приличное настроение, ходить сегодня было отчего-то трудно.

«Соболь» все не уезжал. Взяв свое курево, Гусев подошел к фургону.

— Что там было насчет помощи? — спросил он угрюмо. — Какая еще помощь?

— Наркологическая, разумеется. Хотите маленький укольчик? Второе рождение гарантировано. Вы же чувствуете э-э... дискомфорт, сразу видно.

— Вот это глаз! — восхитился Гусев.

— Работа такая, коллега. Давайте, заходите.

— Н-нет, спасибо, — пробормотал Гусев. У нарколога было приятное открытое лицо и заразительная улыбка. Но это еще не повод разрешать человеку тыкать в тебя иголками.

— Вам же на маршрут сейчас, верно? Давайте поправим здоровье. Я просто нарушу профессиональную этику, если отпущу вас.

— Как вы меня раскрыли? — спросил Гусев, безуспешно пытаясь оглядеть себя в поисках какого-нибудь вопиющего изъяна.

— Просто характерная моторика. Сейчас она, конечно, сглажена — последствия интоксикации. Но все равно если знать, что искать — видно.

— На психиатра, что ли, учитесь? — догадался Гусев.

— Верно. Не буду же я всю жизнь пьяных по домам развозить. Доставка — это так, ради денег. Ну давайте, ныряйте в наше гостеприимное лоно.

— Не-а.

— Почему?!

— Страшно.

— Тьфу! Поймите, вам через пять минут станет легче. А через пятнадцать — как новенький будете.

— Я с похмелья тревожный, — признался Гусев. — Боюсь автомобилей, низколетящих голубей и врачей-убийц.

Из кабины раздался сдавленный хохоток: водитель подслушивал. Нарколог смерил Гусева взглядом, каким одаривают непослушного ребенка.

— С вас прямо хоть диплом пиши, — сказал он. — Особенно если низколетящие голуби... Не хотите укол, могу смешать микстурку. Но дольше ждать придется. Слушайте, а можно я вам хотя бы давление померяю?

— Я что, настолько плох?

— Жить-то будете...

Гусев сдался и полез в машину, бормоча: «До чего же вы, медики, настырные...» Внутри обнаружился еще один клиент Доставки. Поперек двух кресел развалился молодой человек в парадном флотском мундире. Фуражка у моряка съехала на нос, сбоку из-под нее выбивались неуставные русые кудри.

— Здорово, полундра, — бросил ему Гусев. Тот не отреагировал. Давление у Гусева оказалось явно пониженное.

— Ну хотя бы валокордин, — предложил врач.

— Делать вам нечего...

— Ваша правда, коллега. Скука жуткая. Третий час уже катаемся, хоть бы кто под колеса упал... В сентябре вообще мало пьяных, в основном работают люди, восстанавливают семейный бюджет, подорванный отпуском, хе-хе...

ВЫБРАКОВКА

— А это? — Гусев ткнул пальцем через плечо. — Что же вы его домой не везете?

— Товарищ капитан первого ранга, мичман Харитонов... — неожиданно сообщил в пространство флотский. После чего громко всхрапнул и снова отключился.

— Это мичман Харитонов, — объяснил врач, отсчитывая капли.

— Вижу, что не адмирал Нахимов...

— Вот, пейте. Бедняге нельзя домой, он на службе. Никак до Генштаба не дойдет. Ничего, я ему такой коктейль в вену замузырил...

Гусев проглотил лекарство.

— Спасибо, — кивнул он, возвращая стакан. — Слушайте, доктор... Можно некорректный вопрос?

— Смотря насколько, — улыбнулся врач.

Гусев сначала малость опешил — на его памяти так с выбраковкой не разговаривали, — а потом сообразил: медик совершенно не боится АСБ. Искренне не боится. Наверное, совесть кристально чиста. «Побольше бы нам таких».

— Для вас что, на самом деле все пациенты одинаковы? — спросил Гусев.

— Разумеется. Я же клятву давал.

— Клятва штука хорошая... Но если по-человечески? Все люди разные, и кто-то вам окажется симпатичен, а кто-то, наоборот, противен до тошноты. Как вы с этим справляетесь?

— Ну... Поначалу старался не оценивать. Подходил к вопросу с точки зрения долга. А потом, наверное, привык. Видите ли, больного легко пожалеть, какой бы скотиной он ни был. Больные все страдают.

— Больные все страдают... — Гусев покивал своим мыслям.

— Я, кажется, понимаю, — догадался врач. — У вас схожая проблема?

Гусев замялся.

— Да как сказать, — пробормотал он. — Вряд ли. Медик иногда вынужден быть жестоким к пациенту, чтобы тот потом выздоровел. А мне... А нам приходится делать больно одному человеку, чтобы стало хорошо другим.

— Не вижу особой разницы, — твердо сказал врач.

— Может, она в том, что мы специально учимся не жалеть своих клиентов. Даже провоцируем их на драку, чтобы не было стыдно. А мне кажется...

— Еще бы вы их жалели! — перебил врач. — Так и рехнуться недолго.

«Вот оно, новое поколение, — мелькнуло у Гусева. — Допрыгались. А рассказать моему старику — помрет от счастья. Нет, ошибся я, таких нам даром не надо...»

— Вы еще молодой. Сколько вам, простите?

— Двадцать два.

— У-у... — Гусев улыбнулся. — Все бы отдал на свете, чтобы мне сейчас было двадцать два.

— А вам где-то сорок? Но в любом случае вы мне несколько не противны, коллега. Ну, я ответил на вопрос, не так ли?

Гусев задумчиво кивнул, выбрался из фургона и остановился, придерживая дверь.

— Вы весьма проницательны, — сказал он. — Я и правда хотел убедиться, что не противен вам. Спасибо за помощь, спасибо за внимание. Совет хотите? Полезный для жизни. Никогда, понимаете, ни при каких обстоятельствах не называйте выбраковщика «коллегой». Мы с вами оба работаем на государство, но заняты совершенно разным делом.

— Отнюдь. Мы оба лечим, — не согласился врач.

— Вам, юноша, с такими взглядами нужно работать в АСБ, — фыркнул Гусев, — а не пьяных по улицам собирать.

— Но я буду работать в АСБ. Уже через год. Меня берут стажером в медслужбу. Так что, может, еще увидимся.

— А-а... Ну да. Конечно. Понятно, — Гусев захлопнул дверцу и ушел прочь.

* * *

Обычно Гусев, выбираясь на улицу, входил в состояние легкой настроженности. Он будто ощупывал пространство вокруг: нет ли где непорядка, не обижают ли кого. Но после беседы с наркологом Гусев погрузился в себя. На эскалаторе он смо-

ВЫБРАКОВКА

трел под ноги, и искомый беспорядок заметил, когда уже проезжал мимо. А в эпицентре беспорядка молча страдало обиженное существо.

Возле будки дежурного толпилось несколько человек, глядя вниз, на «гребенку» правого эскалатора, который сейчас был остановлен. Сам дежурный почему-то отсутствовал, злобно нарушая служебную инструкцию. Гусев обогнул будку и раздвинул людей плечом. На стыке «гребенки» и пола сидела в неловкой позе небольшая грязно-белая дворняжка. На ее длинной морде застыло выражение безмолвной мольбы о помощи.

Гусев такого раньше не видел, но сразу понял, что случилось. Несколько прядей с растрепанного хвоста собаки каким-то образом защемило между стальными ребрами «гребенки» и тележкой эскалатора. Псине редкостно повезло: хвост у нее все еще был. Наверное, вовремя остановили эскалатор. Неудачно севший на «гребенку» человек теряет минимум половину задницы, а то и жизнь.

— Где дежурный? — спросил Гусев.

— Ножницы ищет, — сказали из-за спины. — Того и гляди угробится кто-нибудь, а ей, видите ли, собачку жалко.

— Ну-ка... — Гусев присел и осторожно, чтобы зря не причинять боли, ощупал собачий хвост, стараясь разглядеть, какие именно белые лохмы защемило, а какие свободны. Псина — как выяснилось, сука — восприняла обследование с глубоким пониманием, разве что дышать не перестала.

Зевак позади ощутимо прибавилось. Всегда приятно участвовать в добром деле, когда им уже занялся другой.

— Вы поосторожнее, молодой человек! Укусит еще...

— Что ж она, совсем дура? — не согласился кто-то.

Собака немислимым образом извернулась и лизнула Гусева в щеку.

— Спокойно, малыш, спокойно... — пробормотал Гусев. — Та-ак, серьезных повреждений не вижу..

— А вы что, ветеринар? — спросили из толпы. Сейчас это уже была настоящая толпа.

— Вроде того, — отозвался Гусев, доставая швейцарский нож и выдвигая кусачки. — Ну, барышня, прощайся с красотой! — и принялся стричь.

«Барышня» все порывалась благодарно лизаться, что здорово тормозило ход операции.

— Молодой человек! — позвали начальственным голосом.

— А? — Гусев вынырнул из-под хвоста.

— Вы что там делаете? — над Гусевым нависла дежурная по эскалатору, дородная тетка с ужасными ножницами для резки металла в руках.

— У вас инструмент неподходящий, — Гусев вернулся к своему увлекательному занятию.

— Что за самодеятельность! — возмутилась дежурная. — На минуту нельзя отойти...

— Да это ветеринар! — объяснили ей.

— Вы правда ветеринар, молодой человек?

Гусеву осталось состричь всего чуть-чуть. Собака, чуя приближение свободы, начала дергаться, и он крепко прижал основание хвоста к полу, чтобы глупышка себе не навредила.

— К сожалению, — пропыхтел Гусев, — уже не молодой. И никакой я не ветеринар.

— Черт знает что такое! — возмутилась дежурная. — Ну ладно, режьте там.

— Вот спасибо... А собака что, местная?

— Да так... Ездит иногда.

— А билет она покупает? — хохотнули в толпе. — Или у нее пенсионная книжка?

— Теперь все равно льгота по инвалидности будет... — миролюбиво сообщила дежурная, чем вызвала дружное веселье собравшихся. — Умная собачка. Всегда аккуратно эскалатором пользовалась, не то что некоторые. А сегодня замешкалась — и бац! Хорошо, я за ней обычно слежу. Едва успела «стоп» нажать. Вот, учитесь, граждане.

— На ходе с эскалатора поднимайте хвост...

— И хвост поднимайте, у кого есть! Сумки повыше держите. А особенно — длинные полы одежды.

ВЫБРАКОВКА

Гусев слушал разговоры, посмеивался и работал кусачками. Наконец он выстриг последний запутавшийся клочок, осторожно подвигал хвост из стороны в сторону, понял, что все получилось, отпустил собаку и поспешно встал, пока его не облизали с ног до головы.

Толпа во главе с дежурной разразилась аплодисментами. Собака прыгала вокруг и радостно тявкала. Преисполненный благодарности к свидетелям его подвига, Гусев смущенно кивнул, спрятал ножик и расправил плечи. От этого движения у него из-под куртки предательски сверкнул значок. Наверное, Гусев с похмелья небрежно его прицепил. Самый уголок выглянул, но оказалось достаточно.

Половину толпы — как ветром сдуло.

Дежурная залилась краской и чуть не уронила ножницы.

— Никаких проблем, успокойтесь, — поспешно сказал Гусев.

— Подменить некому было, — пробормотала дежурная. — У нас все на инструктаже по технике безопасности...

— Вот именно что безопасности, — кровожадно поддакнул один из зевак.

— Это кто там гавкает? — спросил Гусев ласково.

Толпа, словно по команде, уполовинилась еще. Гусев, криво усмехнувшись, проводил взглядом беглецов и заметил, что к эскалаторам спешит еще одна женщина в форме работника метрополитена.

— А вот и сменщик, — обрадовался Гусев. — Теперь вы можете с чистой совестью проводить меня туда, где здесь моют руки.

— Конечно... — выдавила дежурная.

— Дамы и господа, оставьте нас, пожалуйста, — мягко попросил Гусев. Люди неохотно разошлись, озираясь. Только какой-то могучий дед с офицерской выправкой подошел к Гусеву вплотную и заглянул ему в лицо.

— Чем могу?.. — учтиво спросил Гусев.

— Вы благородный человек, — неторопливо произнес дед мощным голосом отставного командира. Большого командира, судя по интонациям.

— Есть немножко, — признался Гусев, пряча глаза. — Только не подумайте, что я какое-то исключение. Отнюдь нет.

— У меня к вам вопрос. Скажите, это правда, что АСБ скоро расформируют?

— Насколько скоро, не знаю. Но нас должны распустить, это было прописано в «Указе сто два». Нельзя же без конца терроризировать население.

— Терроризировать? — удивился дед. — Кто это вам сказал? Да пол-России на вас буквально молится! Вы делаете очень важную работу.

— Мы ее уже сделали. Почти всю.

— Странно такое слышать от уполномоченного АСБ. Впрочем... Честь имею, — дед по-военному четко откланялся и ушел.

Гусев, жуя губу, смотрел в его широкую спину. Так и подмывало догнать старика и расспросить, дослужился ли тот до генерала. Позади дежурная шепталась со сменщицей.

— Так вы меня проводите? — обернулся к ней Гусев.

— Да, пойдете!

Собака увязалась следом, и Гусев подумал, что вот еще проблема — избавиться от этой спасенной. Желательно ненасильственным образом. По другую руку от выбраковщика мучительно переживала свою будущность дежурная, преступно оставившая пост. Десяток-другой шагов они прошли молча, и Гусев понял, что собака как-нибудь сама отстанет, а вот терпеть присутствие трясушейся от страха женщины надоело.

— Простите, что я вас напугал, — сказал он. — Поверьте, я ничего против вас не имею.

— Вы меня правда не накажете? — встрепенулась женщина.

— За что? — улыбнулся Гусев. — За то, что вы оставили пост в зоне повышенной опасности, потому что не могли видеть страдания живого существа? Бросьте. Вам просто стало жаль собаку. Если у нас даже женщины не будут поддаваться элементарной жалости, в гробу я видел такую нацию. Русские мы или кто, в конце концов? Забудьте.

— Начальник приехал, устроил внеплановый инструктаж, — пожаловалась дежурная. — Я помощь вызвала, гляжу — никто не

ВЫБРАКОВКА

идет. Понятно, не человек ведь, собака, потерпит. Да и пассажи-
ров мало сейчас, две машины исправно работают... Пять минут
жду, десять... Ну, сорвалась и бегом... Так бы я никогда...

— А почему инструктаж в рабочее время? Я думал, на метро-
политене порядки очень жесткие.

— Для кого-то жесткие, для кого-то нет.

Гусев посмотрел на часы.

— Жалко, на работу опаздываю. А то подзадержаться здесь,
устроить разнос кому следует? Нет, у вас же первой будут непри-
ятности.

— Да уж! — усмехнулась дежурная. — Съедят.

— Видите, — сказал Гусев. — Мне тоже приходится выбирать
между жалостью и долгом. Постоянно. Каждый день.

Посреди станции околачивалось двое милиционеров. Гусев
вспомнил участкового Мурашкина и подумал, что тот, наверное,
почуял бы застрявшую на эскалаторе собаку за километр. «Все-
таки самые лучшие защитники и спасатели — это малость сумас-
шедшие люди. И пока им есть кого защищать и спасти, будет по-
рядок. А когда они перезащищают и переспасают всех-всех-всех...
Что тогда?»

Исторические аналогии подсказывали Гусеву, что в таких слу-
чаях герои-богатыри сами учиняют дикий бардак. Чтобы было
чем заняться.

Конечно, если вовремя не приходят другие богатыри и не лик-
видируют первых.

Глава третья

Определенно можно сказать только одно: людская молва и вре-
мя не преувеличили его жестокость. Иногда он совершал герои-
ческие поступки, но все же был не героем, а психопатом.

Центральное отделение занимало два подъезда в идущей под снос
монументальной развалюхе 1903 года постройки. Наверное, сто
лет назад домик был ничего себе, но потом явились большевики.

Выполняя историческую миссию запихнуть в господские апартаменты побольше барачной швали, они выкопали под домом глубокий подвал и надстроили два этажа. Здание постояло-постояло да и начало расползаться по швам. В каком-нибудь отдаленном районе на это дело плевали бы до тех пор, покуда через трещины в стенах не начали просачиваться бродячие животные. Но тут дом был в полукилометре от Кремля, поэтому его по-быстрому просверлили, а сквозь дырки пустили толстенные стяжки. Жильцы к трубам с резьбой цепляли бечеву для сушки белья. Гусев угодил в первую волну сотрудников АСБ, заселявших офис Центрального, и лично обрывал это замасленное провисшее мочало, на которое смотреть-то было страшно. Невольно в голову лезла картинка: сталкер с мешком хабара ползет по Зоне, а над головой у него тихонько шевелятся на ветру такие вот бородастые веревки...

«Мы с развеселым гоготом крушили перегородки и таскали мебель, а я все оглядывался на ребят и думал: чистой воды сталкеры. Лезут куда-то с наркотическим упорством, добывают то, непонятно что, гибнут ради этого непонятно чего. Неужели и я такой же? Нет, только не я. А внутренний голос твердил: голубчик, разуй глаза! Конечно, и ты тоже. Никто ведь тебя не просил идти на линию огня, сам полез... Как это — никто не просил? Я сам и просил. На коленях ползал. Аргументированно умолял. Требовательно упрашивал».

Гусев взялся за ручку подъездной двери и с усилием потянул. Дверь жалобно скрипнула, отошла сантиметров на тридцать, застряла, но все-таки уступила и отодвинулась еще немного. Гусев не без труда пропихнул себя в открывшуюся щель и сразу наткнулся на дневную смену, бредущую вниз по лестнице. Выражения лиц «дневного» ему не понравились.

С ним хмуро здоровались, кое-кто даже за руку, но чаще ответственно хмыкали и прятали глаза. Никому здесь больше не было дела до Пэ Гусева, суперагента с лицензией на убийство. Он спекся и уже не подлежал восторженному поклонению. «Или это я себя накручиваю? — подумал Гусев. — Ну, устал народ, вымо-

ВЫБРАКОВКА

тался. А может, кого-нибудь из наших подстрелили. Хотя вряд ли. Некому стрелять».

На площадке третьего этажа курила, ожесточенно жестикулировала и ругалась матом патрульная группа Данилова. Четыре тройки намертво закупорили проход, и Гусев волей-неволей принялся расчищать себе дорогу. Настроение сразу поднялось: несмотря на общее перевозбуждение, его заметили, принялись хлопать по плечу и совать руки. То ли Гусев еще не окончательно спекся, то ли не все так думали, то ли он на самом деле попусту накручивал себя.

Данилов как раз выкрикивал в дверь офиса порцию нечленораздельных оскорблений, когда Гусев осторожно взял его за локоть.

— Пэ! — заорал Данилов прямо Гусеву в ухо. — Ну хоть ты скажи этим негодьям! Почему опять мы?! В прошлом месяце Данила, теперь снова Данила! Что я тут, главный зоофил?! Я в отставку подам! Я уйду в рядовые! Хватит делать из меня этого... Как его...

— Начальника очистки, — подсказали с лестницы. — Полиграф Полиграфович, не переживайте так.

Выбраковщики заржали. Делать им больше ничего не оставалось, только потешаться над собой. Гусев окончательно воспрял духом. Разумеется, вот откуда хмурые лица. «Дневное» снова погнало на отстрел бродячих собак. И как всегда, старший — Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать — люби и могилки копать.

«Именно так — самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача. Но собаки, конечно, перебор. Собака — это вам не обдолбанный бандит с автоматом. Хорошо еще, когда пси-на издали чует тебя, пропитанного запахом смерти, и старается убежать. А когда просто стоит и вглядывается в твои глаза... Нет, кончается выбраковка. Еще год назад послали бы мы их с этими собаками далеко и надолго. Подумаешь, заказ Моссовета... Да я когда-то половину этого Моссовета взял за плечико и отвел в труповозку. Сейчас, что ли, там браковать некого? Да просто. Одно слово — взяточники. Но прошлой осенью по всему